

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ

ISSUES OF LINGUISTIC PRAGMATICS

DOI 10.15826/izv2.2023.25.3.056
УДК 165.4 + 177.3 + 165.023.2 + 808.5 +
+ 311.213 + 618.177-089.888.11

М. В. Плотникова
И. Г. Полякова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПРЕДИКТОРЫ ДОСТОВЕРНОСТИ В НАРРАТИВАХ ЖЕНЩИН – ДОНОРОВ ООЦИТОВ

Исследование посвящено анализу протоколов глубинного интервью доноров ооцитов с применением комплексной методологии, сочетающей элементы психологии, лингвосомиотики, прагмалингвистики, когнитивной лингвистики. На материале устной диалогической речи рассмотрены дискурсивные маркеры, опосредованно указывающие на достоверность высказываний участниц интервью или желание скрыть определенную информацию в ходе беседы. Междисциплинарный характер исследования обеспечивается синтезом психологических и лингвистических методологических подходов к анализу языкового материала, объединенных вокруг логико-философской категории модальности. Подобный методологический подход обнаруживается в авторских методиках критериального анализа А. Врая. В рамках первой методики исследуются когнитивные операции, транслируемые участником интервью в ходе описания происходящих событий, а также структурное и лексико-семантическое оформление текста высказывания как показатели достоверности излагаемой информации, что соответствует лингвистической интерпретации модальности. Вторая методика анализа выстраивается в большей степени в русле психологического подхода к определению модальности: наличие точной сенсорной информации в нарративе участников интервью является значимым показателем правдивости говорящего. Анализ интервью доноров ооцитов с использованием данных методик показал, что перцептивная, аффективная информация, актуализируемая в ситуации общения, в большей степени свидетельствует о правдивости говорящего, чем ментальная репрезентация излагаемых событий и фактов. Кроме того, говорящие правду приводят больше деталей, также относящихся к сфере чувственного восприятия. Желание скрыть какую-либо информацию часто сопровождается ссылкой

на нарушения памяти и переходом на другую тему повествования. Прикладные результаты исследования могут представлять интерес для широкого круга лиц, проводящих собеседования по различной тематике. Научные результаты могут быть использованы при проведении междисциплинарных исследований социально-гуманитарного профиля.

К л ю ч е в ы е с л о в а: достоверность; правдивость; ложность; модальность; объективность; устная речь; глубинное интервью

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01694 «Социально-психологическое благополучие доноров ооцитов: социокультурные факторы и особенности мотивации», <https://rscf.ru/project/22-28-01694/>

Ц и т и р о в а н и е: *Плотникова М. В., Полякова И. Г.* Предикторы достоверности в нарративах женщин — доноров ооцитов // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2023. Т. 25, № 3. С. 286–305. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.3.056>

Поступила в редакцию: 18.01.2023

Принята к печати: 03.07.2023

Maria V. Plotnikova

Irina G. Polyakova

Ural Federal University

Ekaterinburg, Russia

RELIABILITY PREDICTORS IN NARRATIVES OF OOCYTE DONORS

This article analyses protocols of in-depth interviews of oocyte donors using a comprehensive methodology that combines aspects of psychology, semiotics, pragmatics, and cognitive linguistics. The authors examine discursive markers of oral dialogic speech that indirectly indicate the reliability of the statements of the interviewees or their desire to disguise information during the conversation. The interdisciplinary nature of the study is provided by the synthesis of psychological and linguistic methodological approaches to the analysis of linguistic material, united around the logical-philosophical category of modality. A similar methodological approach is found in the authorial methods of criteria analysis by A. Vrij. Within the framework of the first method, the authors consider the cognitive operations transmitted by the interviewee while describing the ongoing events, as well as the structural and lexical-semantic makeup of the text as indicators of the reliability of the information presented, which corresponds to the linguistic interpretation of modality. The second method of analysis is developed to a greater extent in line with the psychological approach to the definition of modality: the presence of accurate sensory information in the narrative of the interviewees is a significant indicator of the speaker's truthfulness. The analysis of interviews with oocyte donors using these methods reveals that perceptual and affective information updated in a communication

situation is more indicative of the truthfulness of the speaker than the mental representation of the events and facts presented. In addition, truth-tellers provide more detail, also related to the realm of sensory perception. The desire to disguise any information is often accompanied by a reference to forgetfulness and a transition to another topic of the storyline. The applied research results may be of interest to a wide range of interviewers on different topics while the scholarly results can be used in interdisciplinary art and social science studies.

К е y w o r d s: reliability; truthfulness; deception; modality; objectivity; oral speech; in-depth interview

Acknowledgements

The research was supported by the *Russian Science Foundation* grant 22-28-01694 “Socio-Psychological Well-Being of Oocyte Donors: Socio-Cultural Factors and Motivation Features”, <https://rscf.ru/project/22-28-01694/>

For citation: Plotnikova, M. V., & Polyakova, I. G. (2023). Prediktory dostovernosti v narrativakh zhenshchin — donorov ootsitov [Reliability Predictors in Narratives of Oocyte Donors]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(3), 286–305. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.3.056>

Submitted: 18.01.2023

Accepted: 03.07.2023

Лингвистические исследования феномена лжи появились сравнительно недавно: отправной точкой изучения лингвистического аспекта ложного высказывания в отечественных и зарубежных исследованиях послужила работа Х. Вайнриха «Лингвистика лжи» (1966) [Ленец, 2008].

В исследовании Н. Н. Панченко выделяется три группы средств вербализации обмана: языковые средства, обозначающие, описывающие и выражающие обманное поведение. Автор рассматривает метафорическую структуру концепта «ложь / обман», схематизирует и описывает средства выражения лжи, выявляет фонд вербализованных авербальных маркеров, позволяющих реципиенту / наблюдателю декодировать обман, приводит сопоставительный анализ лексико-фразеологических и метафорических средств, описывающих и обозначающих обман и разнообразные формы и виды его проявлений на примере русского и английского языков [Панченко].

В диссертационном исследовании А. В. Ленец разработана прагмалингвистическая теория лжи на материале немецкого языка. Категория ложности определяется автором как несоответствие или нарушение основных прагматических правил с целью речевой манипуляции, осуществляемой как эксплицитно, так и имплицитно [Ленец, 2010]. Манипулятивное воздействие лжи на получателя оказывается отправителем с помощью имплицитных слоев информации, а также с помощью различных коммуникативных стратегий и тактик [Там же, с. 31].

К настоящему моменту сложилось несколько направлений исследования лжи в языке и речи. Наиболее разработана проблематика определения лжи по невербальным признакам; подобные работы выполнены в русле психологии и психолингвистики [Невербальные предикторы...; Крейдлин; Лабунская; Литвиненко, Николаева, Кибрик; Пиз А., Пиз Б.; Экман; Vrij, 1998; Detecting deceit...]. Значительный массив исследований посвящен изучению прагматической основы ложных высказываний. Представители лингвистической прагматики рассматривают ложь как намеренное нарушение реализации принципа кооперации Г. П. Грайса и обнаружение тех компонентов смысла, с помощью которых отправителю удастся уклониться от соблюдения данного принципа [Андрюхина; Безуглая; Болинджер; Кубинова; Ленец, 2010; Остин; Серль]. Еще одним обширным направлением является исследование вербальных проявлений лжи как когнитивно-семиотического феномена с привлечением методов структурной и когнитивной лингвистики [Горностаева; Земскова; Колмогорова; Колмогорова, Калинин, Маликова; Максимчик; Панченко]. Наконец, перспективным и активно развивающимся направлением отечественных и зарубежных исследований является математическая обработка корпусов ложных высказываний с целью выявления маркеров лжи, основанная на методах машинного обучения [Классификация текстов...; Литвинова; Холевчук; Bareeda, Mohan, Muneer; Chow, Louie].

Несмотря на значительное количество исследований, выполненных в русле лингвистики лжи, их результаты зачастую основаны на анализе заведомо ложных высказываний. В связи с этим междисциплинарные исследования с применением комплексной методологии, позволяющие выявить вербальные маркеры лжи в высказываниях, не являющихся заведомо ложными, представляются крайне актуальными с точки зрения значимости их прикладных результатов. Основное предположение в данном случае состоит в том, что лжецы отличаются от тех, кто говорит правду, своим вербальным поведением, что позволяет выявлять признаки, свидетельствующие об истинности либо ложности излагаемой информации, изучая их нарративы.

Тенденция к полипарадигмальности и междисциплинарности, активно проявляющаяся в современных научных исследованиях, нашла отражение и в гуманитарных науках. Поскольку представленное исследование находится на пересечении двух научных дисциплин — лингвистики и психологии, — одним из интегративных концептуальных понятий, объединяющих данные области знания в контексте истинности либо ложности высказываний, является логико-философская категория модальности. Понятийно-терминологическая экспансия модальной логики в гуманитарные науки также является результатом конвергенции научного знания.

Термин «модальность» в психологии означает принадлежность к определенной сенсорной системе (анализатору) и используется для обозначения, характеристики или классификации ощущений, сигналов, стимулов, информации, рецепторов, расстройств [Большой психологический словарь, с. 267]. Это

качественная характеристика ощущений, возникающих при взаимодействии с объективной действительностью, отражающая в основном физические свойства окружающего мира сквозь призму восприятия индивида.

Модальность в лингвистике, согласно определению О. С. Ахмановой, — это понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношения сообщаемого к его реальному осуществлению); прилагательное «модальный» используется для выражения отношения говорящего к содержанию высказываемого и его достоверности [Ахманова, с. 228]. По мнению Т. В. Романовой, «лингвистическая модальность не только не исключает логическую модальность, но и базируется на ней» [Романова, с. 6].

Таким образом, с точки зрения психологии и лингвистики модальность как понятийная категория выражает объективное отношение индивида к действительности или к ситуации общения. Данное свойство модальности позволяет выработать междисциплинарный методологический подход к исследованию достоверности в различных типах дискурса.

Подобный методологический подход обнаруживается в работах британского психолога, профессора Портсмутского университета АлдERTA Врая, автора исследований, посвященных вербальным и невербальным маркерам лжи и проблеме ее выявления (детекции) в устной речи.

Методики исследования лжи, предложенные А. Враем, представляют собой обобщение предшествующих исследований, проведенных самим автором, его соавторами и другими учеными [Вербальные характеристики...; Nahari, Vrij, Fisher; Vrij, 2008]. Исследования показали, что ложь, как правило, более требовательна к когнитивным способностям, чем правда. При этом говорящие правду могут привести больше визуальных, пространственных и сенсорных деталей, т. е. модальных характеристик, чем лжецы. Кроме того, определить истинность излагаемой информации позволяет логико-смысловая структура высказывания. На основании данных обобщений А. Врай сформулировал несколько методик критериального оценивания правдивости или ложности высказываний при проведении интервью [Vrij, 2015].

В данном исследовании предпринимается попытка выявления предикторов достоверности на материале 29 транскриптов глубинного интервью женщин — доноров ооцитов, проведенных в течение 2022 г. Все женщины были пациентками одного из репродуктивных центров города Екатеринбурга. Средний возраст опрошенных — 26,6 лет (диапазон от 19 до 35). Собеседование было обязательным для потенциального донора и входило в программу донации. Одной из целей интервью была попытка определить психологическую готовность женщины к протоколу и установить, не скрывает ли она от медицинского центра какую-либо важную информацию, способную поставить в ситуацию риска как здоровье самой женщины, так и весь протокол в целом.

Целью данного анализа, таким образом, является определение маркеров правдивости и ложности излагаемой информации, а также намерения скрыть

определенную информацию от интервьюера. В качестве основного методологического подхода выбран структурно-семантический, когнитивно-семиотический и контекстуальный анализ; в качестве частных методик анализа используются контент-анализ и мониторинг реальности на основе адаптированных авторских критериев Алдерта Врая.

Критериальный контент-анализ

Анализ представляет собой список из двенадцати критериев, показавших наибольшую эффективность в ходе эмпирических исследований, проведенных авторами методики и другими учеными, работающими в русле данного подхода. Исследуются когнитивные операции, транслируемые участником опроса в ходе описания происходящих событий, а также структурное и лексико-семантическое оформление текста высказывания.

Отрицание собственных утверждений (*Критерий 1*) рассматривается как показатель правдивости говорящего. Социальное представление, введение в контекст (*Критерий 2*) — представление нового участника описываемых событий: чем более подробно интервьюируемый описывает человека, который может потенциально подтвердить или опровергнуть его слова (в криминалистике — выступить свидетелем), тем больше вероятность, что он говорит правду. Обезличенное абстрактное описание является маркером лжи, намерения скрыть определенную информацию. Однако подобная презентация может свидетельствовать и о напряженных отношениях между говорящим и описываемым человеком. Спонтанные исправления (*Критерий 3*) расцениваются как косвенные свидетельства недостоверности излагаемой информации. Нарушения памяти или недостаточная убежденность (*Критерий 4*) — маркеры, потенциально указывающие на ложные высказывания. Структурирование информации (*Критерий 5*) — критерий, описывающий определенную композицию текста: считается, что говорящие правду используют первые 20 % текста для описания действий, предшествовавших событию, следующие 50 % — для описания самого события, а последние 30 % — для обсуждения того, что произошло после события. Несоблюдение данного баланса последовательно повышает вероятность недостоверности излагаемых событий. Эмоции (описание эмоций) (*Критерий 6*) — еще один показатель, имеющий отношение к композиции текста. Считается, что при сообщении недостоверной информации эмоциональное состояние описывается непосредственно перед кульминацией истории, тогда как говорящие правду чаще апеллируют к эмоциям на протяжении всей истории, но особенно — после кульминации. Объективное и субъективное время (*Критерий 7*) — хронологическая последовательность в изложении событий, а также длина отрезка текста, посвященного определенному хронологическому периоду, когда разные периоды описываемых событий пропорционально соответствуют друг другу в тексте. Соответствие объективного времени субъективному — показатель достоверности излагаемых событий; несоответствие указывает на возможность обмана.

Непоследовательная и посторонняя информация (*Критерий 8*) — включение в текст повествования информации, не имеющей отношения к предмету высказывания, — может расцениваться как показатель недостоверности. Считается, что испытуемые могут включать постороннюю информацию, чтобы скрыть более важную. Показателем опущения информации (*Критерий 9* «Отсутствующая информация») могут выступать наречия времени «позже», «затем» и т. п., не имеющие предваряющего связанного контекста. Повествование от первого лица в прошедшем времени (*Критерий 10*) расценивается как показатель достоверности; иные варианты вызывают сомнения. Наличие местоимений (личных, притяжательных) (*Критерий 11*) считается показателем правдивости; их отсутствие свидетельствует о желании говорящего дистанцироваться от описываемых событий, снять с себя ответственность, и может вызвать подозрения в неискренности. Отметим, что Критерии 10 и 11 эмпирически проверены на материале английского языка. Исследования валидности данных критериев для русского языка не проводились. Наконец, неоправданная вариативность лексики (*Критерий 12*), когда одно слово, повторяемое на протяжении повествования, неожиданно заменяется синонимом, может выступать показателем намерения говорящего ввести интервьюера в заблуждение.

С лингвистической точки зрения критериальный анализ А. Врая позволяет определить модальные характеристики нарративов. Референтная модальность формирует модус действительного бытия внелингвистической предметности, которая непосредственно и адекватно указывается словом в целях точного соотнесения речи именно с нею без того, чтобы добавлять к этому точному указанию и к самому бытию какие-либо дополнительные смысловые наслоения — сообщать, повествовать, изображать [Поготишвили, с. 578]. Согласно типологии модальных значений Т. В. Романовой [Романова], определяющей лингвистическую модальность как рациональную оценку содержания высказывания, осуществляемую говорящим в соответствии с полнотой его знаний о событиях, вербализованных в высказывании, в представленной методике анализа А. Врая обнаруживается интеллектуальная модальность утверждение, отрицание (*Критерий 1*), определенность, неопределенность (*Критерий 3*), неясность, уяснение (*Критерий 8*), уверенность, убежденность (*Критерий 4*), логическая модальность (*Критерии 5, 9*), эмоциональная модальность (*Критерий 6*).

Кроме того, А. Врай рассматривает точные пространственно-временные (дейктические) характеристики, приведенные в высказывании, как показатель его достоверности. Предметные дейктические характеристики относятся к участникам коммуникации и выражаются личными и притяжательными местоимениями (*Критерии 2, 10, 11*); пространственный и временной дейксис выражается посредством указательных местоимений, наречий и грамматической категории времени (*Критерии 7, 10*).

Рассмотрим некоторые примеры критериального контент-анализа, отобранные методом сплошной выборки из транскриптов интервью доноров ооцитов (см. табл. 1).

Критериальный контент-анализ

№	Критерий	Примеры
1	Отрицание утверждений	<p>1. Донор 7: — Вы, наверно, лукавите, когда вот говорите, что всегда все приятно¹.</p> <p>— Нет, мне не все приятно. Я просто привыкла сначала подумать, почему так. Нет, далеко не все приятно. И это при том касается как взрослых, так и детей. У всех же разные характеры.</p> <p>2. Донор 11: Как-то совершенно случайно. Ну, неслучайно вообще, этому поспособствовала дочь. Мы жили, я не общалась, не давала никакой вообще связи, чтобы общаться с человеком, о себе знать не давала</p>
2	Социальное представление, введение в контекст	<p>3. Донор 2: У меня очень строгие родители. Папа вообще против был, чтобы я там с Костей, молодой человек, гуляла, у него ночевать оставалась.</p> <p>4. Донор 8: Ну там... Бажуковские вы все... Максим от этого отчима, с которым она сейчас живет. Это не Родин отец.</p> <p>5. Донор 16: Люда была, она вообще, знаете, что говорит? Они встали с мужем на ЭКО, очередь же, они сейчас собрались брать ребенка из детского дома. Эта девушка, у нее уже мужей было, ей 24 года, она была дважды разведена, и вот сейчас она опять с новым мужем</p>
3	Спонтанные исправления	<p>6. Донор 4: — А то, что вас в больнице обследуют? Это как-то играет роль в принятии вашего решения, или вы и так уверены, что вы здоровы?</p> <p>— Нет, конечно, я на 100% не уверена, что я полностью здорова.</p> <p>— Но, когда вы пришли, вы это совершенно нормально сказали: «Я здоровая женщина».</p> <p>— Ну, я здоровая.</p> <p>7. Донор 18: — То есть вы это решение приняли?</p> <p>— Угу.</p> <p>— А почему так случилось?</p> <p>— На самом деле все в совокупности, то есть к разводу я уже была подготовлена, еще до рождения второго ребенка, у нас к этому шло, потом вроде настроилась, я забеременела, родила второго ребенка, и человек перестал появляться дома. Перестал появляться</p>

¹ Здесь и далее реплики, выделенные полужирным начертанием, принадлежат интервьюеру.

Продолжение табл. 1

№	Критерий	Примеры
4	Нарушения памяти или недостаточная убежденность	<p>8. Донор 4: — Я возвращаюсь к своему вопросу, все-таки я тут на работе. Зачем вам быть донором? — Сейчас в голове каша.</p> <p>9. Донор 6: — Они развелись. А по чьей инициативе произошёл развод? — Я не знаю, не спрашивала, мне кажется, это было очевидно. Наверное, папа. Потому что потом он женился.</p> <p>10. Донор 6: — И что вы делали дальше? Был этот первый сексуальный опыт, дальше у вас были с ним отношения? — Мы на протяжении года, мне кажется, общались, я в последнее время почему-то плохо помню этот промежуток времени. Где-то год длились наши отношения</p>
5	Структурирование информации	не обнаружено
6	Эмоции (описание эмоций)	<p>11. Донор 6: — С мужем у вас были чувства? — Да. — А какие? — Изначально мы познакомились, когда я пошла работать в детский городской лагерь, так как я ходила к психологу, так как мы считались сложной семьей, я ходила к психологу, она предложила мне стать вожатой в городском лагере. То есть не загородный, а просто в городе. Я пошла вожатой, увидела мужа, вся такая в восторгах, какой красивый мальчик</p>
7	Объективное и субъективное время	<p>12. Донор 1: — А сколько это было по времени? — Не скажу. Он первый пришёл, там буквально, может, год пожил, опять ушёл. Потом его сколько-то не было, он опять пришёл. Ну, года четыре, может быть, его не было.</p> <p>13. Донор 12: — А какие-то отношения? — Нет. — И не было? — Были. Получается, первые отношения подростковые, то есть школьная любовь первая. Там 16–17 лет. И вторые отношения уже на первом курсе, но там так... месяца два-три, наверное, не очень долго было.</p> <p>14. Донор 27: — То есть вы довольно рано вышли замуж, в 20 лет? — Нет, в 22. — Вам сейчас 32. — В 22 я... в 21 в июне я родила, а в сентябре мне уже 22. — То есть вы вышли замуж после того, как родился ребенок? — Да. Нет...</p>

№	Критерий	Примеры
		<p>– Вы сказали, вам 32 года, и 12 лет вы в браке.</p> <p>– Да.</p> <p>– Это значит во сколько вы вышли замуж?</p> <p>– Значит, в 20, получается. Просто я так... мне кажется, это было уже давно</p>
8	Непоследовательная и посторонняя информация	<p>15. Донор 11: – То есть вы были в декрете, мальчику было два года, и вы пошли в донорство ооцитов. А там как вы узнали, что оно существует?</p> <p>– Раз он тогда ушел и не особо много давал финансов, мне же надо было на что-то существовать, а просить деньги у его мамы я тоже не могу. И у своих родителей. Я такой человек, я не могу просить деньги, когда я могу их сама где-то заработать. <...> Сказать: «Дай мне на продукты» и так далее. У меня была мечта пройти обучение по бровям крупное, я же не буду просить деньги на это</p>
9	Отсутствующая информация	не обнаружено
10	Повествование от первого лица в прошедшем времени	<p>16. Донор 12: – А дальше не пошли почему?</p> <p>– Я вообще на самом деле гимнастикой художественной... не мое желание было, то есть меня родители просто отдали, потому что рядом с домом было, чтобы ребенок занимался, потому что я была очень активным ребенком. И я занималась до первого разряда <...>. Я очень давно мечтала о собаке, пришлось заниматься. Выполнила кандидата, мне купили собаку, я была очень счастлива, но говорю: «Уже все, больше не пойду»</p>
11	Наличие местоимений	<p>17. Донор 14: – А родители вас любили?</p> <p>– Думаю, что... сложно ответить, но думаю, что по-своему любили, но были очень много заняты, мы с братом были самостоятельными, со школы приходили домой, помимо своих уроков занимались домом, уборкой, что-то могли даже приготовить к приходу родителей</p>
12	Неоправданная вариативность лексики	не обнаружено

Было выявлено, что отрицание собственных утверждений свидетельствует о том, что говорящие не опасаются, что их заподозрят в неискренности, что в большей степени свойственно тем, кто говорит правду (Примеры 1, 2). Многочисленные детали, сопровождающие рассказ о каком-либо человеке, также позволяют предполагать, что интервьюируемые говорят правду (Примеры 3–5). Спонтанные исправления свидетельствуют о неуверенности говорящего в излагаемой информации, желании представить ситуацию с более выгодной,

приемлемой для себя позиции (Примеры 6, 7). Жалобы на нарушения памяти являются традиционной тактикой умалчивания, ухода от прямого ответа. Однако в исследуемых примерах на основании общего контекста высказываний можно сделать вывод, что данная тактика может использоваться, чтобы избежать упоминания о травмирующем опыте, а не в целях обмана интервьюера (Примеры 9, 10). Упоминание об эмоциях в конце смыслового фрагмента речи свидетельствует о правдивости излагаемой информации (Пример 11). Критерий объективного и субъективного времени, отражающий дейктические элементы высказывания, показал высокую эффективность в исследуемом материале: тождество двух категорий является маркером правдивости излагаемой информации, о чем свидетельствуют и дальнейшие ответы интервьюируемых (Пример 13); несовпадение объективного и субъективного времени, несмотря на незначительную временную дистанцию, когда речь идет о сравнительно недавних событиях, свидетельствует о потенциальном намерении говорящих скрыть какую-либо информацию (Пример 14). Включение в речь значительных фрагментов посторонней информации, не связанной с предметом разговора, также свидетельствует о желании скрыть что-либо от интервьюера. Так, одна из участниц интервью переходит к рассказу о своем финансовом положении и профессиональных планах при ответе на совершенно иной вопрос (Пример 15), тем самым, вероятно, пытаясь скрыть истинные мотивы донорства. Критерий повествования от первого лица как маркер правдивости излагаемой информации подтвердился при анализе исследуемого материала, а значит, является релевантным и для русского языка. Отсутствие местоимений как показатель дистанцирования от ситуации общения также нашел подтверждение в анализируемых интервью: одна из участниц избегала использования личных местоимений при описании травмирующих воспоминаний детства (Пример 17), однако активно использовала их в иных контекстах.

Мониторинг реальности

Второй подход к анализу реализуется в рамках методики мониторинга реальности. Изначально данная методика использовалась психологами и психотерапевтами для дифференциации воображаемых и реальных воспоминаний: считается, что воспоминания, основанные на реальном опыте (внешнем источнике), отличаются по качеству от воспоминаний, основанных на вымысле (внутреннем источнике). Воспоминания о реальных событиях формируются посредством восприятия, поэтому они содержат больше сенсорной (афферентной) информации об ощущениях, запахах, вкусах, пространственно-временной ориентации. Подобные воспоминания обычно четкие и яркие. Воспоминания о воображаемых событиях могут содержать когнитивную информацию, такую как мысли и рассуждения. В этом случае воспоминания значительно менее конкретны. Хотя данная концепция не имеет прямой связи с выявлением обмана, ученые адаптировали ее в качестве инструмента распознавания лжи: было выдвинуто предположение

о том, что правда — это воспоминания о пережитых событиях, тогда как ложь — это воспоминания о воображаемых событиях. Автор предлагаемой методики А. Врай [Vrij, 2008] проанализировал результаты 30 выборок и обнаружил подтверждение идеи о том, что говорящие правду помнят больше перцептивной, пространственной и временной информации с достоверностью около 70 %.

А. Врай отмечает, что большинство исследователей рассматривает следующие критерии оценки достоверности высказываний [Vrij, 2008]:

- 1) точность и яркость утверждения: является ли высказывание ясным, четким и ярким или невыразительным и расплывчатым;
- 2) перцептивная информация: наличие в высказывании сенсорной информации, такой как звуки, запахи, вкусы, физические ощущения и визуальные детали;
- 3) пространственная информация: информация о пространственном расположении людей и/или объектов;
- 4) временная информация: информация о том, когда произошло событие, или подробное описание последовательности событий;
- 5) аффективная информация: как говорящий чувствовал себя во время события;
- 6) воспроизводимость событий: можно ли воспроизвести историю на основе предоставленной информации;
- 7) реалистичность: является ли рассказ правдоподобным, реалистичным.

Данные критерии сближаются с психологической интерпретацией модальности. Наличие сенсорной информации (*Критерии 2, 7*) в рассказе участников интервью является основным показателем достоверности высказывания. Кроме того, в данных критериях анализа также учитываются дейктические элементы высказываний (*Критерии 3, 4*) как маркеры достоверности. С точки зрения рассмотренной ранее типологии лингвистической модальности Т. В. Романовой, в данной методике анализа выделяется логическая (*Критерии 1, 6*) и эмоциональная (*Критерий 5*) модальность.

Исследование интервью доноров ооцитов по обозначенным параметрам представлено в табл. 2.

Таблица 2

Мониторинг реальности

№	Критерий	Примеры
1	Точность и яркость утверждения	<p>1. Донор 6: — То есть такой мотив-то есть, чтобы это было кому-то на пользу.</p> <p>— Так конечно! Финансовая сторона — это мужа очень мотивирует. У меня-то нет такого. Я сдаю кровь за 600 рублей, и эти 600 рублей же на обед донору, я так их и трачу, я кушаю хорошо. И все время, когда смотрю, у нас там после родов бывают осложнения, сейчас девушку капали-капали кровью донорской, и я всегда смотрю резус, группу.</p>

Продолжение табл. 2

№	Критерий	Примеры
		<p>2. Донор 13: — Если сейчас предположить. У вас двое детей... И вот однажды... вы идете по улице и видите точно такого же маленького ребенка. Один в один похожего на вашего... Как думаете, что вы будете чувствовать? Какие мысли? Какие чувства?</p> <p>— Шок сначала. Шок. Потом интерес. Как зовут? В какую семью попал? В принципе нормальные, здоровые вопросы. Как там, что там? Здоров ли он</p>
2	Перцептивная информация	<p>3. Донор 1: — Гуляли по району. А как пришло решение стать пекарем?</p> <p>Я изначально хотела на ветеринара пойти. Я поехала подавать документы, и пока документы готовились, мне дали альбом полистать. Ну и что-то мне как-то так. То есть там фотографии были, как там во время операции всё это, и мне как-то стало не по себе, и я передумала.</p> <p>4. Донор 2: — Просто когда видишь этих женщин... не передать словами, когда у них руки трясутся, как они переживают, как волнуются, как ждут, как приходят 5–6 раз на эти переносы. Когда я услышала от нашего заведующего, что требуются доноры и что можно помочь таким образом, то я подумала — а почему бы и нет.</p> <p>5. Донор 22: — Ну, какой-то первый опыт вы можете вспомнить, привести пример? Как это было? Почему это было?</p> <p>— Я надела в школу новые фиолетовые яркие колготки, пришла домой, и переодевала сменку не на скамейке, а у нас в школе... ну, знаете, старые советские школы, там еще деревянные маленькие скамеечки низенькие. Я не встала на скамейку, не передела, запачкала следки, пришла домой, и за то, что я их не постирала, я получила. В каком это классе было, я не помню.</p> <p>6. Донор 24: — А то, что вы сейчас хотите стать агрономом, это чем вызвано?</p> <p>— Потому что я когда родила третьего ребенка, пошла работать в теплицу УГМК, и как-то понравилось, как это все растет, как развивается, что растения, оказывается, тоже болеют, я до этого не думала. Я думала, они просто засыхают и умирают. Оказывается, у них тоже бывают такие болезни, как рак</p>
3	Пространственная информация	<p>7. Донор 5: — А вы жили-то в Тагиле?</p> <p>— Вообще я с Качканара, мы там жили, поступила в Тагил, потому что мама все равно боялась меня далеко отпускать, и мы выбрали Тагил, чтобы я могла ездить на выходных домой. Я поступила, четыре года, пока училась, жила в общежитии, но на выходные всегда ездила домой к маме. Закончила, в итоге вернулась в Качканар</p>

Продолжение табл. 2

№	Критерий	Примеры
4	Временная информация	<p>8. Донор 7: — То есть это было когда-то недавно? — Ну, наверно 2019–2020 год, где-то так. — А поточнее? — По-моему, 2019. — В 2019 году вы состояли в протоколе стимуляции яичников, гиперстимуляции и потом была пункция? — Да. — А месяц можете поточнее вспомнить? — Не помню, у меня дома все бумажки лежат. — Это была весна, лето, осень? — Дождь шёл, значит это была, наверно, осень. — Осенью 2019 года? — Вроде.</p> <p>9. Донор 28: — А вы сразу после окончания пришли и устроились? Или как это было? — Я 7 лет работала в изостудии, и в течение этого времени писала и свои работы тоже, исследования проводила на группах, где я работала. Я работала там с 1 курса. А этим летом мне нужно было официальную работу, и нужен был доход повыше, поэтому в сентябре я искала другие вакансии, и вот в сентябре устроилась в эту школу</p>
5	Аффективная информация	<p>10. Донор 2: Вся боль связана с Костей [плачет], много боли от него, наверно, выросла из-за этого, из-за него, очень быстро стала взрослой. Не знаю, как-то он перерубил, я тоже очень изменилась, вся доброта во мне ушла. Вся боль от него идет. Ну, уже, конечно, прошла. У него сейчас другая семья.</p> <p>11. Донор 3: — Вам не страшно? — Ну, я бы не сказала, что мне прямо страшно, волнения какие-то есть, но тревоги нет, я почему-то уверена.</p> <p>12. Донор 6: — Да, то есть зачем? — Вот... есть у меня какое-то дикое желание помочь что ли, не знаю</p>
6	Воспроизводимость событий	<p>13. Донор 6: — Да. А в чем виноваты? — Мы поругались за несколько дней до этого, сильно. На фоне того, что она мне дала слово, что пить она больше не будет. Она слово свое не сдержала, а я как бы... не знаю, в общем, я нагрубила, я сказала, что мы не будем общаться, потому что мне неприятно. Зачем мне это надо, столько протаскаться, когда мы уезжали, и сейчас я уехала от этого всего, грубо говоря, а оно опять... И она-то вроде как начала... Этот раз, когда она выпила уксус, она была пьяная, насколько я помню... Не знаю, может, мне не показывали это в экспертизе, не знаю, не могу сказать. В общем, мы как раз поругались, она расстроилась, и через несколько дней это все случилось</p>

Окончание табл. 2

№	Критерий	Примеры
7	Реалистичность	<p>14. Донор 12: — А как решили стать врачом? — Такое... не знаю, может быть, с детства еще какой-то переклин произошел, я... Мне было 10 лет, когда я в больнице лежала, у меня была очень хорошая лечащая врач, я прямо в нее влюбилась просто, и вот после это мне очень сильно... У меня мама еще рассказала, что я вообще, когда прямо маленькая-маленькая была, мы ходили к зубному, это была мамина подруга, я всегда говорила: «Буду как тетя Лариса, очень хочу быть, как она». Потом полежала в больнице, говорила, что буду как мой лечащий врач. Потом уже просто выросла, и как-то захотелось.</p> <p>15. Донор 20: — Ну, я так понимаю, что мама ваша та еще сказочница. Хорошо. Почему вы решили стать фармацевтом? — У нас там в деревне есть предприниматель, который собирает лекарственные травы, и мы к нему хотели собирать травы, зарабатывать деньги на школу. И у меня такое увлечение появилось, когда собирали разные травы, и про разные травы спрашивала, какие лекарственные свойства есть, для чего это делают, и из-за этого захотела фармацевтом стать</p>

В исследуемом материале обнаружены многочисленные примеры точных и ярких высказываний участниц интервью, что позволяет предполагать их правдивость. Примечательно, что участницы интервью чаще всего приводили детальную перцептивную информацию при ответе на вопросы о мотивации (Примеры 3, 4, 6), что может свидетельствовать о правдивости говорящих и живой заинтересованности предметом разговора. Приводимая в рассматриваемых интервью пространственная информация в основном логична и детальна (Пример 7), что является показателем правдивости говорящих. Временная информация пересекается с критерием объективного и субъективного времени, представленным в предыдущей методике. При анализе по данному параметру были получены сходные результаты. Информация о том, как говорящий чувствовал себя в ходе какого-либо события, свидетельствует о его правдивости (Примеры 10–12). Четкая логико-смысловая структура высказывания (Пример 13), равно как и возможность реконструировать событие на основе предоставленной информации (Примеры 14, 15) также являются показателями правдивости и объективности излагаемой информации. Исходя из проанализированного материала, критерий реалистичности (Критерий 7), предложенный А. Враем, находит речевое выражение посредством сторителлинга: история из жизни, рассказанная в рамках неподготовленной речи в строгом соответствии с контекстом высказывания и содержащая пространственно-временные, сенсорные и прочие объективные детали, может рассматриваться как показатель достоверности.

Результаты проведенного исследования в целом подтверждают выводы, сделанные автором используемых методик, что свидетельствует об их объективности и релевантности для различного языкового материала.

В качестве обобщающих итогов исследования отметим, что перцептивная, аффективная информация, актуализируемая в ситуации общения, в большей степени свидетельствует о правдивости говорящего, чем ментальная репрезентация излагаемых событий и фактов. Кроме того, говорящие правду приводят больше деталей, также относящихся к сфере чувственного восприятия. Желание скрыть какую-либо информацию часто сопровождается ссылкой на нарушения памяти и переходом на другую тему повествования. Однако необходимо иметь в виду, что подобные тактики могут использоваться и с целью избежать упоминания о каком-либо травмирующем опыте говорящего.

Исследования

Андрюхина Н. В. Ассертивные речевые акты как средство реализации неискреннего дискурса // *Интерактивная наука*. 2017. № 13. С. 119–122.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энциклопедия, 1986.

Безуглая Л. Р. Неискренние речевые акты и неискренние речевые жанры // *Жанры речи*. 2015. №1 (11). С. 30–37.

Болинджер Д. Истина — проблема лингвистическая // *Язык и моделирование социального взаимодействия* : сб. ст. / под ред. В. В. Петрова. М. : Прогресс, 1987. С. 23–42.

Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, акад. В. П. Зинченко. М. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

Вербальные характеристики распознавания обмана в разных условиях проведения интервью / А. В. Шаболтас, Ю. В. Гранская, М. В. Халеева, А. Врай // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2019. Т. 9, вып. 1. С. 45–56. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2019.104>

Гоготишвили Л. А. Непрямое говорение. М. : Языки славянских культур, 2006.

Горностаева Ю. А. Опыт выявления вербальных маркеров психологических и когнитивных процессов в лингвистике: к истории вопроса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 8 (86). Ч. 1. С. 91–94.

Земскова Н. А. Концепты «истина», «правда», «ложь» как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект : на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Краснодар, 2006.

Карипиди А. Г., Батурьян М. А. К вопросу о вербализации концептов «ПРАВДА» и «ЛОЖЬ» во фразеологизмах английского и русского языков // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2019. № 1(232). С. 47–50.

Классификация текстов по признаку «Ложный / правдивый» с использованием методов автоматической обработки текстов / Т. А. Литвинова, П. В. Середин, О. А. Литвинова, Дж. Р. Лиелль // *Научный диалог*. 2016. № 10 (58). С. 70–83.

Колмогорова А. В. Вербальные маркеры эмоций в контексте решения задач сентимент-анализа // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018. № 1. С. 83–93.

Колмогорова А. В., Калинин А. А., Маликова А. В. Типология и комбинаторика вербальных маркеров различных эмоциональных тональностей в интернет-текстах на русском языке // Вестник ТГУ. 2019. № 448. С. 48–58.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М. : Новое литературное обозрение, 2002.

Кубинова Й. Речевая интенция «ложь, обман» в семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2002.

Лабунская В. А. Невербальное поведение : (Социал.-перцептив. подход). Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1986.

Ленец А. В. Структура и функции лжи с позиции лингвистики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 7(31). С. 15–19.

Ленец А. В. Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты : на материале немецкого языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.04. Ростов н/Д, 2010.

Литвиненко А. О., Николаева Ю. В., Кибрик А. А. Аннотирование русских мануальных жестов: теоретические и практические вопросы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М. : РГГУ, 2017. С. 271–286.

Литвинова Т. А. Состав и структура корпуса текстов Russian deception Bank, предназначенного для разработки методик диагностирования лжи в речи // Universum: филология и искусствоведение. 2017. № 1(35). С. 20–23.

Максимчик О. А. Функционально-семантическое и когнитивно-прагматическое описание концепта «истина» : на материале современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Самара, 2010.

Невербальные предикторы оценок достоверности/недостоверности сообщаемой информации / В. А. Барабанчиков, А. В. Жегалло, Е. Г. Хозе, А. В. Соломонова // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11, № 4. С. 94–106. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2018110408>

Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17 : Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. С. 22–130.

Панченко Н. Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Волгоград, 1999.

Пиз А., Пиз Б. Новый язык телодвижений. Расширенная версия. М. : Эксмо, 2006.

Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Нижний Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008.

Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17 : Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. С. 170–194.

Холевичук А. Г. Использование компьютерных программ, основанных на лингвистическом анализе ложной информации (обзор зарубежного исследования) // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2015. № 10(56). С. 64–67.

Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб. : Питер, 2010. (Серия: Сам себе психолог).

Bareeda E., Mohan B., Muneer K. Lie Detection using Speech Processing Techniques // Journal of Physics: Conference Series. Vol. 1921, First International Conference on Advances in Smart Sensor, Signal Processing and Communication Technology (ICASSCT 2021), 19–20, March 2021, Goa, India. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1921/1/012028>

Chow A., Louie J. Detecting Lies via Speech Patterns. 2017 // CS224S: Spoken Language Processing. URL: https://web.stanford.edu/class/cs224s/project/reports_2017/Amanda_Chow.pdf (date of access: 26.10.2022).

Detecting deceit via analysis of verbal and nonverbal behaviour / A. Vrij, K. Edward, K. P. Roberts, R. Bull // *Journal of Nonverbal Behaviour*. 2000. № 24. P. 239–263.

Nahari G., Vrij A., Fisher R. P. Exploiting liars' verbal strategies by examining the verifiability of details // *Legal and Criminological Psychology*. 2014. № 19. P. 227–239.

Vrij A. Nonverbal communication and credibility // *Psychology and law. Truthfulness, accuracy and credibility* / ed. by A. Memon, A. Vrij, R. Bull. New York : McGraw-Hill, 1998. P. 32–58.

Vrij A. *Detecting lies and deceit: Pitfalls and opportunities*. Chichester : Wiley, 2008.

Vrij A. Verbal lie detection tools: Statement validity analysis, reality monitoring and scientific content analysis // *Detecting deception: Current challenges and cognitive approaches* / ed. by P. A. Granhag, A. Vrij, & B. Verschuere. Wiley-Blackwell, 2015. P. 3–35.

References

Akhmanova, O. S. (1986). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.

Andriykhina, N. V. (2017). Assertivnye rechevye akty kak sredstvo realizatsii neiskrennego diskursa [Assertive Speech Acts as a Means of Realising Insincere Discourse]. *Interaktivnaia nauka*, 13, 119–122.

Austin, J. (1986). Slovo kak deistvie [Word as Action]. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 17: Teoriia rechevykh aktov* [The New in Foreign Linguistics. Iss. 17: Theory of Speech Acts] (pp. 22–130). Moscow: Progress.

Barabanschikov, V. A., Zhegallo, A. V., Khoze, E. G., & Solomonova, A. V. (2018). Neverbal'nye prediktory otsenok dostovernosti / nedostovernosti soobshchaemoi informatsii [Nonverbal Predictors in the Estimates of Truthful and Deceptive Statements]. *Ekspperimental'naia psikhologiya*, 11(4), 94–106. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2018110408>

Bareeda, E., Mohan, B., & Muneer, K. (2021). Lie Detection Using Speech Processing Techniques. *Journal of Physics: Conference Series, 1921, First International Conference on Advances in Smart Sensor, Signal Processing and Communication Technology (ICASSCT 2021), 19–20, March 2021, Goa, India*. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1921/1/012028>

Bezuglaya, L. R. (2015). Neiskrennie rechevye akty i neiskrennie rechevye zhanry [Insincere Speech Acts and Insincere Speech Genres]. *Zhanny rechi*, 1 (11), 30–37.

Bolinger, D. (1987). Istina – problema lingvisticheskaia [Truth as a Linguistic Problem]. In V. V. Petrova (Ed.), *Iazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviia: sbornik statei* [Language and Modelling of Social Interaction: A Collection of Articles] (pp. 23–42). Moscow: Progress.

Chow, A., & Louie, J. (2017). Detecting Lies via Speech Patterns. *CS224S: Spoken Language Processing*. Retrieved from https://web.stanford.edu/class/cs224s/project/reports_2017/Amanda_Chow.pdf

Ekman, P. (2010). *Psikhologiya lzhi. Obmani menia, esli smozhesh'* [The Psychology of Lies. Lie to Me if You Can]. St Petersburg: Piter.

Gogotishvili, L. A. (2006). *Nepriamoe govorenie* [Indirect Speaking]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Gornostaeva, Yu. A. (2018). Opyt vyavleniia verbal'nykh markerov psikhologicheskikh i kognitivnykh protsessov v lingvistike: k istorii voprosa [Experience in Identifying Verbal Markers of Psychological and Cognitive Processes in Linguistics: On the History of the Issue]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 8 (86), pt. 1, 91–94.

Karipidi, A. G., & Batur'ian, M. A. (2019). K voprosu o verbalizatsii kontseptov “PRAVDA” i “LOZH” vo frazeologizmakh angliiskogo i russkogo iazykov [On the Issue of Verbalization

of the Concepts “TRUE” and “FALSE” in the Phraseological Units of the English and Russian Languages]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*, 1 (232), 47–50.

Kholevchuk, A. G. (2015). Ispol'zovanie komp'yuternykh programm, osnovannykh na lingvisticheskom analize lozhnoi informatsii (obzor zarubezhnogo issledovaniia) [The Use of Computer Programmes Based on the Linguistic Analysis of False Information (A Review of a Foreign Study)]. *Novyi universitet. Seriya “Ekonomika i parvo”*, 10 (56), 64–67.

Kolmogorova, A. V. (2018). Verbal'nye markery emotsij v kontekste resheniia zadach sentiment-analiza [Verbal Markers of Emotions in the Context of Solving Problems of Sentiment Analysis]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 1, 83–93.

Kolmogorova, A. V., Kalinin, A. A., & Malikova, A. V. (2019). Tipologiya i kombinatorika verbal'nykh markerov razlichnykh emotsional'nykh tonal'nostei v internet-tekstakh na russkom iazyke [Typology and Combinatorics of Verbal Markers of Various Emotional Tonalities in Internet Texts in Russian]. *Vestnik TGU*, 448, 48–58.

Kreidlin, G. E. (2002). *Neverbal'naiia semiotika. Iazyk tela i estestvennyi iazyk* [Non-verbal Semiotics. Body Language and Natural Language]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Kubina, J. (2002). *Rechevaia intensiia “lozh', obman” v semanticheskom i kommunikativno-pragmaticheskom aspektakh* [Speech Intention “Lie, Deceit” in the Semantic and Communicative-Pragmatic Aspects] (doctoral dissertation). Moscow.

Labunskaya, B. A. (1986). *Neverbal'noe povedenie (sotsial'no-pertseptivnyi podkhod)* [Non-Verbal Behaviour (Socio-Perceptual Approach)]. Rostov-on-Don: Rostov University Press.

Lenets, A. V. (2008). Struktura i funktsii lzhi s pozitsii lingvistiki [The Structure and Functions of Lies from the Standpoint of Linguistics]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 7 (31), 15–19.

Lenets, A. V. (2010). *Kommunikativnyi fenomen lzhi: lingvisticheskii i semioticheskii aspekty: na materiale nemetskogo iazyka* [The Communicative Phenomenon of Lies: Linguistic and Semiotic Aspects: With Reference to the German Language] (doctoral dissertation). Rostov-on-Don.

Litvinenko, A. O., Nikolaeva, Yu. V., & Kibrik, A. A. (2017). Annotirovanie russkikh manual'nykh zhestov: teoreticheskie i prakticheskie voprosy [Annotation of Russian Manual Gestures: Theoretical and Practical Issues]. In *Komp'yuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* (pp. 271–286). Moscow: RGGU.

Litvinova, T. A. (2017). Sostav i struktura korpusa tekstov Russian deception Bank, prednaznachennogo dlia razrabotki metodik diagnostirovaniia lzhi v rechi [The Composition and Structure of the Russian Deception Bank Corpus of Texts Designed to Develop Methods for Diagnosing Lies in Speech]. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, 1 (35), 20–23.

Litvinova, T. A., Seregin, P. V., Litvinova, O. A., & Lyell, J. R. (2016). Klassifikatsiia tekstov po priznaku “lozhnyi / pravdivyi” s ispol'zovaniem metodov avtomaticheskoi obrabotki tekstov [Text Classification on the Basis of “False / True” Using Methods of Automatic Text Processing]. *Nauchnyi dialog*, 10 (58), 70–83.

Maksimchik, O. A. (2010). *Funktional'no-semanticheskoe i kognitivno-pragmaticheskoe opisanie kontsepta “istina”*: na materiale sovremennogo angliiskogo iazyka [Functional-Semantic and Cognitive-Pragmatic Description of the Concept “Truth”: With Reference to Modern English] (doctoral dissertation). Samara.

Meshcheryakov, B. G., & Zinchenko, V. P. (Eds.). (2003). *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'* [Great Psychological Dictionary]. Moscow: Prime-EVROZNAK.

Nahari, G., Vrij, A., & Fisher, R. P. (2014). Exploiting Liars' Verbal Strategies by Examining the Verifiability of Details. *Legal and Criminological Psychology*, 19, 227–239.

Panchenko, N. N. (1999). *Sredstva ob"ektivatsii kontsepta "obman" (na materiale russkogo i angliiskogo iazykov)* [Means of Objectifying the Concept of "Deceit" (Based on the Russian and English Languages)] (doctoral dissertation abstract). Volgograd.

Pease, A., & Pease, B. (2006). *Novyi iazyk telodvizhenij. Rasshirennaia versiiia* [The Definitive Book of Body Language. Extended Version]. Moscow: Eksmo.

Romanova, T. V. (2008). *Modal'nost'. Otsenka. Emotsional'nost'* [Modality. Grade. Emotionality]. Nizhny Novgorod: NGLU im. N. A. Dobroliubova.

Searle, J. (1986). Klassifikatsiia illokutivnykh aktov [Classification of Illocutionary Acts]. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 17: Teoriia rechevykh aktov* [The New in Foreign Linguistics. Iss. 17: Theory of Speech Acts] (pp. 170–194). Moscow: Progress.

Shabol'tas, A. V., Granskaya, Ju. V., Khaleeva, M. V., & Vrij, A. (2019). Verbal'nye kharakteristiki raspoznavaniia obmana v raznykh usloviakh provedeniia interv'iu [Verbal Characteristics of Lie Detection in Interviews under Different Conditions]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*, 9(1), 45–56. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2019.104>

Vrij, A. (1998). Nonverbal Communication and Credibility. In A. Memon, A. Vrij, & R. Bull (Eds.), *Psychology and Law. Truthfulness, Accuracy and Credibility* (pp. 32–58). New York: McGraw-Hill.

Vrij, A. (2008). *Detecting Lies and Deceit: Pitfalls and Opportunities*. Chichester: Wiley.

Vrij, A. (2015). Verbal Lie Detection Tools: Statement Validity Analysis, Reality Monitoring and Scientific Content Analysis. In P. A. Granhag, A. Vrij, & B. Verschuere (Eds.), *Detecting Deception: Current Challenges and Cognitive Approaches* (pp. 3–35). Wiley-Blackwell.

Vrij, A., Edward, K., Roberts, K. P., & Bull, R. (2000). Detecting Deceit via Analysis of Verbal and Nonverbal behaviour. *Journal of Nonverbal Behaviour*, 24, 239–263.

Zemskova, N. A. (2006). *Kontsepty "istina", "pravda", "lozh" kak faktory verbalizatsii deistvoitel'nosti: kognitivno-pragmatischekii aspekt: na materiale russkogo i angliiskogo iazykov* [Concepts "Truth", "Verity", "Lie" as Factors of Reality Verbalisation: Cognitive-Pragmatic Aspect: With Reference to the Russian and English Languages] (doctoral dissertation). Krasnodar.

Плотникова Мария Вячеславовна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков
Уральский федеральный университет
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: m.v.plotnikova@urfu.ru

Plotnikova, Maria Vyacheslavovna

PhD (Philology), Associate Professor
Department of Foreign Languages
Ural Federal University
19, Mira Str., 620002 Ekaterinburg, Russia
Email: m.v.plotnikova@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9391-9539>
WoS ResearcherID: N-4009-2016

Полякова Ирина Геннадьевна

кандидат социологических наук, научный
сотрудник Уральского межрегионального
института общественных наук
Уральский федеральный университет
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: irinapolykova@yandex.ru

Polyakova, Irina Gennadyevna

PhD (Sociology), Researcher
Interregional Institute of Social Sciences
Ural Federal University
19, Mira Str., 620002 Ekaterinburg, Russia
Email: irinapolykova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9619-2152>
WoS ResearcherID: AAF-8824-2020